

— Это уж само собой, как иначе! — Дин Кань согласно закивал. — И с дровами Тянь-эру поможем, половину забот на себя возьмём!

Всё равно Дин Тянь теперь жил один — какая разница, насколько велик его дом? В крестьянском хозяйстве в топливе нужды не водилось: сушняк в лесу, да и сухой соломы после жатвы всегда оставалось вдоволь. К тому же протапливать все комнаты дочиста никто не заставлял. Зимой главное — чтобы в жилой горнице держалось живое тепло, а в остальных снях пусть хоть пар изо рта идёт, не страшно.

— Вот это другой разговор, — смягчился староста трёх деревень, вполне удовлетворённый ответом.

Дин Тянь молча слушал, держась в сторонке. Он рассудил здраво: как почтенный старец решит, так тому и быть. Староста худого не посоветует.

Вскоре Дин Дасин закончил корпеть над бумагой и вывел аккуратные строчки арендного договора.

Дин Тянь, владевший грамотой, уверенно расписался внизу и прижал к листу испачканный в туши большой палец. Его сородич, Дин Кань, в грамоте разумел туго, но собственное имя вывести умел. Коряво начертав иероглифы, он тоже приложил палец. Дело было сделано.

Составили четыре экземпляра договора: по одному получили хозяин и арендатор, третий забрал староста как доверенное лицо, а четвертый лёг перед деревенским старостой в качестве свидетельства сделки. По уму следовало бы подготовить и пятый — для отправки в уездную управу на регистрацию. Но в деревне семьи Дин все приходились друг другу роднёй и обходились без лишней волокиты. К тому же за казённую печать в управе пришлось бы выложить лишнюю монету, а бросать деньги на ветер никто не любил.

— Спасибо вам, дедушка староста! — запричитал Дин Кань. Он умел ладить с людьми и первым делом низко поклонился почтенному старцу, а затем повернулся к Дин Тяню: — И тебе, Тянь-эр, спасибо великое, что не забыл обо мне!

Дядя Син дружески хлопнул его по плечу:

— Ладно тебе. Пойдём, провожу до ворот.

— Ага! — Дин Кань бережно спрятал бумагу за пазуху. Тяжёлый камень, давивший ему на грудь все последние недели, наконец-то скатился прочь.

Пятьдесят му плодородной земли гарантировали, что в этом году его домочадцы не будут

голодать и мёрзнуть. Глядишь, при хорошем раскладе ещё и лишний мешок зерна на продажу останется. Лишь бы Небеса смилостивились и послали хорошую погоду.

Когда Дин Кань ушёл, Дин Тянь завязал шнурки на обуви и поднялся:

— Дедушка, я тоже пойду. Надо ещё вещи собрать, завтра поутру собираюсь в Город Ньюцзяо тронуться.

— Что же так спешно?

— Да поговаривают, там уже почти всё готово. Управу ещё прошлой осенью отстроили, всю зиму внутри порядок наводили. Теперь сам господин уездный судья переезжать собирается, — улыбнулся Дин Тянь.

Ему, как будущему главному тюремщику, знающие люди давно обо всём доносили. В уезде уже служили двое служек управы из местных: один — зять из деревни Тополей по имени Ян Ли, а второй — Лю Сэнь, третий сын старости из соседней деревни Ив. Обоих в своё время вывел в люди Дин Дахай. По малолетству да под крылом старого начальника они избежали отправки на войну и благополучно переждали лихолетье дома. Теперь же, когда уездная управа возродилась из пепла, а город отстроили заново, пришло время возвращаться на службу.

Куда им до Дин Тяня! Он-то был сыном героя, да ещё и наследовал должность по закону. В уезде многие помнили доброту его отца, а в эти времена долг признательности ценился превыше всего: за каплю милости платили полноводным источником. Неудивительно, что оба парня без лишних слов поехали в город помогать на стройке, стоило только заложить первый камень новой управы. Сам же Дин Тянь мог спокойно оставаться в деревне и соблюдать положенный траур по отцу.

— Ну и добро. Возвращайся к себе, — напутствовал его староста трёх деревень, пристукнув ладонью по столу с неожиданной для его лет силой. — Чуть что пойдёт не так — сразу дай знать. Дахай ушёл, но вся деревня семьи Дин за твоей спиной стоит. В обиду тебя никому не дадим!

— Знаю, дедушка, — улыбнулся Дин Тянь. — Да и сам я спуску никому не дам.

— То-то же, шельма.

Попрощавшись, он вышел на улицу, спрятал ладони в широкие рукава на крестьянский манер и не спеша побрел по знакомой тропинке. Навстречу попадались односельчане, каждый приветливо кивал или окликал его по имени. В деревне семьи Дин родовые связи переплелись так тесно, что чужаку ходу сюда не было.

Впрочем, Дин Тяню здешний уклад пришёлся по душе. Люди здесь держались друг за друга

горой — совсем не так, как его родные в прошлой жизни. Те никогда не баловали его вниманием, ведь он рос ребёнком тихим, послушным и лишних хлопот родителям не доставлял.

Когда он толкнул калитку своего дома, внутри его встретили чистота и порядок. На печи лениво исходил паром свежий чайник — налей в чашку, и сразу обожжёт пальцы приятным теплом.

Дин Тянь невольно улыбнулся. Жизнь в этом мире складывалась вовсе не так уж скверно. С этого мгновения он окончательно примирился со своей судьбой. Отныне и навек его зовут Дин Тянь.

<http://bllate.org/book/19387/1952880>